

ТОЛК-ШОУ

Программа «Времечко. Ночной полет» — классическое и строгое интервью в прямом эфире: темный фон, кресла, в креслах — гости и ведущий Андрей Максимов. Гости не танцуют, не сыплют анекдотами, не откровенничают «про это», не делают сенсационных политических разоблачений. Это даже не обязательно известные и популярные люди. Так почему же включаешь эту программу и словно забываешь о других каналах? Может быть, потому что разговор идет такой искренний, такой «домашний», что, кажется, происходит он в твоей гостиной. И ведущий задает именно те вопросы, которые ты сам хотел бы задать, и беседу поворачивает так, как ты хотел бы повернуть. Просто интерактивность какая-то!.. Наверное, в нынешние лихорадочно-стрессовые времена нам здорово не хватает такого общения «с чувством, с толком, с расстановкой». В таком ключе протекала и наша беседа с Андреем.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 3

Метр 100 - 1999, - 10 мин. - с. 13

ПОЧЕМУ ТАК ПРИЯТНО БЫТЬ В ГОСТЯХ У АНДРЕЯ МАКСИМОВА

Окончание. Начало на стр. 1

Дело было на максимовской кухне — классически тесной, зато с видом на сверкающий ночной подсветкой Белый дом (что, к счастью, не подтолкнуло нас к обсуждению политических тем). От плиты доносился всепобеждающий аромат жарившихся отбивных, без которых Андрей не мыслит своего существования, а также пекущейся в духовке картошки. За мясом и картошкой приглядывала жена Андрея Лариса. Но основной ее заботой, естественно, был полугодовалый Андрей Максимов-младший, агукающий в соседней комнате. Первые кусочки отбивных были подняты на вилках за присуждение Андрею премии «Тэфи-99», как лучшему телеведущему.

— Вообще, за последнее время у меня было много важных событий, — говорит Андрей. — Во-первых, конечно, рождение сына. Во-вторых, вышла моя книжка «Любовные игры на свежем воздухе». В-третьих, в Театре на Покровке пошел спектакль «Пастух» по моей пьесе в постановке Сергея Арцибашева. В-четвертых, я сам поставил спектакль «Моцарт и Сальери» на сцене музея Высоцкого. И Сальери там играет Валерий Золотухин, а Моцарта — молодая актриса Театра на Таганке Ирина Линдт.

— Ого! Такого набора событий кому-то на всю жизнь хватило бы!.. Но давай по порядку. Почему Моцарта играет женщина?

— Потому что это интересно. Когда на сцене мужчина и женщина, все приобретает совсем иную окраску, наполняется особым подтекстом.

— А «Тэфи»? Признаться, ты заранее знал, что этот приз достанется тебе? Ведь там у вас, в телевизионных кулуарах, наверное, все расписано, все «схвачено».

— Нет. Это было для меня полной неожиданностью. Не мог поверить до последней секунды. Это Лариса была уверена, что «Тэфи» дадут мне. Наверное, женщины, как более интуитивные существа, лучше предчувствуют все важные события и повороты судьбы.

— Мы как-то сразу перескочили в конец твоего списка знаменательных событий. А надо бы, конечно, начать с события номер один. Скажи, рождение сына — это и есть счастье?

— Наверное. Но только счастье — самая зыбкая штука на свете. Счастливым вообще быть страшно, а уж в России — подавно. Для заявления «Я счастлив» нужна большая смелость. Или большая глупость... Лариса рожала в Питере. Она оттуда родом. А мне ежедневные эфиры не позволяли уехать к ней. Получилось так, что о рождении сына я узнал прямо перед программой. Потом мы поехали к одному из наших журналистов — Жене Рассказовой — отмечать. И Женья кормила нас замечательным фасолевым супом, который я запомню на всю жизнь: ведь под него я впервые поднимал тосты за своего сына. Потом, уже часа в четыре утра, я оказался один в центре пустого, залитого огнями города... Зачем я это все рассказываю? Счастье — трудно-

ТОЛК-ШОУ

объяснимая штука. Оно не существует само по себе, а живет в каких-то деталях, в мелочах. Не знаю, было ли тогда ощущение счастья, но то, что этот вечер и эта ночь мне запомнятся навсегда — это точно.

— Андрей, а у вас во «Времечке» такие дружеские отношения — в порядке вещей? Насколько я знаю, это редкость для телевидения.

— Да, пожалуй, редкость. Начиная я в какой-нибудь другой телекомпании, я бы, возможно, просто не выжил. У нас на АТВ нет такой междоусобицы. Хотя два года назад, когда я только пришел во «Времечко», пришлось испытать и кое-что из положенного новичку.

— Например?

— Например, прекрасно помню свой первый разговор с телезрителем в прямом эфире. Я говорю, а кто-то из коллег — теперь уже не важно кто — комментирует за кадром: «Боже, что он несет! Какая чепуха! Разве можно молоть такую чушь!» В микрофон этого не слышно, но я-то прекрасно слышу каждое слово, и, конечно, это меня совсем не обидяет. Или — однажды я сидел перед камерой, развалившись, уверенный, что до моего выхода в эфир еще далеко. И вдруг увидел себя на мониторе. Выпустили в эфир, не предупредив. Пришлось оправдываться перед зрителями за свою вольную позу... Но повторяю: это все не характерно для авторского телевидения. И, главным образом, потому, что автора этого телевидения зовут Анатолий Малкин. Дружеская и деловая атмосфера, характерная для АТВ, исходит от него. Ему интересно делать хорошие программы, и он всех заражает этим интересом. Он ползает по полу, выбирая лучшие ракурсы для съемки, он отсматривает все программы и никогда не оставит без внимания, если ты сделал что-то хорошо. Впрочем, если плохо — тоже не оставит.

— А попадались такие собеседники, которых было просто невозможно «раскрутить» на откровенный разговор?

— Попадались. Например, один из самых пустых и, значит, тяжелых разговоров был, как ни странно, с Костей Кинчевым. Он, казалось, вообще ни о чем не хотел говорить. В конце концов я не выдержал и спросил его: «А зачем вы вообще сюда пришли?» И он вдруг откровенно отвечает: «Рекламировать свой новый диск». Я говорю: «Ну тогда давайте рекламируйте побыстрее и будем заканчивать эту скучищу». Зато Юрий Шевчук просто потряс меня своей глубиной, удивительным взглядом на жизнь. Он такие вещи говорил, что я, помню, сидел секунд десять с открытым ртом и просто не мог вымолвить ни слова. Даже перед зрителями извиняться пришлось... А философ Георгий Гачев чего стоит! Он, например, потрясающе объяснил, почему в России любят футбол. Оказывается, потому, что в футбол играют ногами. А руками у нас делают все плохое: воруют, дерутся, выпускают негодные товары... А режиссер Андрей Кончаловский — какая реакция! По студии летала муха, подлетела к Кончаловскому. Другой бы отмахнулся как-нибудь незаметнее. А он эту муху обыграл, включил в ткань беседы: «Смотрите, мухи еще не дохнут от скуки, значит, разговор у нас — ничего, интересный».

— А кто, кроме мух, ну и еще Малкина, отсматривающего эфиры, оценивает, насколько это все интересно? Есть же, вероятно, рейтинги программ и каналов?

— Есть, конечно. Но для меня лучший рейтинг — то, что я выслушиваю возле магазина «Сантехника».

— ??

— Этот магазин здесь, в нашем доме, а перед ним, на тротуаре — что-то вроде маленького рынка разных сантехнических узлов и деталей. Я хожу мимо каждый день. Парни, которые там торгуют, меня узнают и все мне честно говорят — было им интересно накануне или нет. Высшая похвала звучит примерно так: «Думал, посмотрю немного — о чем там речь, и спать лягу. А сам сидел, как дурак, до самого конца».

— Ну, а кто отбирает гостей для «Ночного полета»?

— Никто их специально не отбирает. Сами как-то придумываются, вспоминаются. Интересных людей вообще гораздо больше, чем принято считать. Хотя приглашают везде одних и тех же — раскрученных, тех, кто на виду и на слуху. А мне интересно, чтоб зрители «Ночного полета» открыли для себя кого-то нового или новые грани известных людей. И если человек говорит увлеченно, искренне, я и сам готов сидеть и слушать его всю передачу. Не мешать. Я ведь не считаю себя телеведущим, тем более — хорошим телеведущим. Просто, так фишка легла. Зато я, как и все, люблю послушать, если чего умного говорят... И потом, я ведь не один программу делаю, мне помогают редакторы Тамерлан Бахарчиев и Лена Антипова — гостей добыть, перед эфиром настроить на беседу.

Андрей еще раз повторяет имена своих редакторов, смотрит, правильно ли я записал их в блокнот, просит, чтоб обязательно упомянул их в интервью... И я снова думаю о том, что он — нетипичная телеперсона.